
ОСОБЫЙ ОТРЯД
/СМЕРШ/
ИГЛА
ЛЕДЯНОЙ
ШИФР
АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ИГЛА. Особый отряд СМЕРШ

Александр Тамоников

Ледяной шифр

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Ледяной шифр / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2026 — (ИГЛА. Особый отряд СМЕРШ)

ISBN 978-5-04-256780-3

Романы о неизвестных операциях особого отряда сталинского спецназа СМЕРШ. 1943 год. Немецкой авиации удается разбомбить крупный северный конвой союзников со стратегическим грузом для Красной Армии. Советская контрразведка понимает, что успех операции люфтваффе был обеспечен «кротом», засевшим в нашем штабе. Особой группе «Игла» под командованием полковника СМЕРШа Егора Завалкаева приказано в кратчайший срок выявить и ликвидировать шпионскую сеть, действующую в Архангельске. Оперативники выходят на след одного из подозреваемых. На допросе предатель сознается, что его используют вслепую и кто является главным агентом абвера, он не знает. При попытке к бегству шпион погибает. Чтобы выявить настоящего «крота», у Завалкаева остаются считаные часы… «Смерть шпионам!» (СМЕРШ) — это короткое и беспощадное название носило особое подразделение НКВД, подчинявшееся И. Сталину. Созданное в годы войны, оно состояло из проверенных в бою, честных и бесстрашных офицеров Красной Армии. СМЕРШа боялись все — и фашистские лазутчики, готовящие диверсии в наших боевых порядках, и гитлеровские приспешники, действующие в глубоком советском тылу. Враг знал: если на его след напали бойцы сталинского спецназа, справедливого и скорого суда не избежать. Романы серии «ИГЛА. Особый отряд СМЕРШ» — это каждый раз увлекательный динамичный сюжет и новые исторические знания, это экшен, написанный простым и понятным языком. Общий тираж книг А. Тамоникова — более 10 миллионов экземпляров!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-256780-3

© Тамоников А. А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог 7
Глава 1 9
Глава 2 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Александр Тамоников
Ледяной шифр

© Тамоников А. А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Пролог

Взрывная волна от акустической торпеды Т-5 «Цаункениг», выпущенной немецкой подводной лодкой, переломила стальной борт, в трещины между металлическими кусками хлынула ледяная вода сурового северного моря.

Электрическая торпеда не оставила на воде ни следа – ни пузырчатой дорожки, ни пенного буруна. Несколько секунд экипаж судна оторопело смотрел, как в пробоину хлещет ледяная морская вода и судно начинает крениться.

Подводная лодка кригсмарине[1], выпустив торпеду, тут же провалилась на глубину и замерла, соблюдая абсолютную тишину. Акустическая торпеда могла вернуться к лодке, если та продолжала бы работать винтами или издавать шум. В безмолвии морской глубины экипаж слышал лишь глубинное эхо начавшегося обстрела северного конвоя.

А над водой уже пролился огненный ад авиации люфтваффе: пикирующие бомбардировщики Ju-88. Атаку поддерживали торпедоносцы Не-111, которые заходили с кормовых и носовых углов, сбрасывая торпеды почти в упор. Следом пикировщики обрушивали бомбы на палубы транспортов и корабли охранения.

Эсминцы и корветы конвоя пытались ответить зенитным огнем из крупнокалиберных пушек 70-К, пулеметов и даже винтовок. Но атака не прекращалась.

Подбитое судно начало крениться и уходить под воду разбитой носовой частью, корма задралась вверх, обнажив гребной винт, который продолжал все еще бешено вращаться, рубя уже воздух вместо ледяной толщи моря. На палубе разорванные тросы хлестали, как бичи, сбивая ящики, бочки; куски обшивки летели во все стороны от новых ударов снарядов. Среди обломков судна и грузов метались люди. Они бежали, падали, кричали, но криков не было слышно из-за грохота снарядов. Удар волны смыл молодого матроса с рыжеватым пушком на щеках в воду, когда корабль накренился. Его темный силуэт мелькнул на секунду в пене и исчез в бурлящей воде, усеянной обломками. Остальные, цепляясь за канат, спускались в шлюпку. Но пулеметные выстрелы истребителя «Фоккер-190» разодрали обшивку шлюпки, десятки тел, пронзенные пулями, посыпались в ледяную воду, где шанса выжить у матросов не было. Холод пронизывал до костей, сводил мышцы, лишал способности двигаться. Минута, две, пять судорожных попыток удержаться на поверхности воды, сделать глоток воздуха – и тело переставало бороться, исчезало в свинцового цвета огромных волнах.

В серой мгле вспыхнуло пламя нового выстрела, и борт второго транспорта «Стэнтон» стал гореть, как факел. Огонь вырывался из пробоины в средней части, топливо, разлившееся по воде, взлетело огненным кольцом вокруг тонущего судна. Люди прыгали за борт, чтобы спастись от огня, но попадали в горящую воду. Их крики заглушали рев пожара, канонаду взрывов и выстрелов, скрежет гибнущего металла. Эсминец, пытавшийся подойти ближе, сам получил торпеду и завалился на правый борт.

Через четверть часа все было кончено: северный конвой PQ-11, следовавший из исландского порта Хваль-фьорд в Архангельск и Мурманск, превратился в обломки. Груз, который должен был стать оружием победы, – танки, самолеты, боеприпасы – ушел под воду, на поверхности остались пустые шлюпки и останки разгромленных судов. Из тридцати шести транспортов до советских берегов добрались лишь одиннадцать – остальные остались на дне Баренцева

[1] Кригсмарине (*нем.* Kriegsmarine – военно-морской флот) – официальное название военно-морских сил нацистской Германии. Оно появилось 21 мая 1935 года, когда так стали называть прежние военно-морские силы Веймарской республики – Рейхсмарине (Reichsmarine – флот рейха). Кригсмарине существовал до окончания Второй мировой войны в 1945 году.

моря, растерзанные фашистскими торпедами и бомбами. На глубине двадцати метров капитен-цур-зее[2] Фриц Тальхайм оторвался от окуляра перископа:

– Торпедные аппараты один, три, пять – перезарядка. Атака завершена, цели поражены. Погружение на сто метров. Курс на базу. Доложить об успешном выполнении задачи – северный конвой разгромлен.

[2] Капитен-цур-зее (Kapitän zur See, дословно – капитан моря) – воинское звание в германском флоте. В России эквивалентное звание – капитан первого ранга.

Глава 1

Комиссар государственной безопасности второго ранга, начальник Главного управления контрразведки «Смерш» Народного комиссариата обороны СССР Виктор Семенович Абакумов стоял навытяжку, не отрывая взгляда от знакомого лица. Он знал в нем каждую черточку: от густых усов с проседью до прищура глаз с глубокими морщинками. Он видел его каждый день на большом, во всю стену, портрете вождя каждый день в своем кабинете, это лицо пестрело со страниц боевых листков, когда он оказывался на передовой во время выездов.

Но сейчас не было привычного цепкого и внимательного взгляда, не блестели живо глаза с желтинкой. Нет, они сверкали чернотой бури. А голос, полный металла, чеканил каждое слово:

– И что вы скажете по поводу разгрома северного конвоя, товарищ Абакумов?

Начальник Главного управления контрразведки «Смерш» вытянулся еще больше, на всю высоту своего немаленького роста:

– Так точно, товарищ главнокомандующий. О диверсии мне доложили в пять утра.

На краю сознания мелькнула мысль: «Оплошал, заговорился! Какой главнокомандующий! Иосиф Виссарионович не любит армейщины. Он же всегда настаивает на обращении – “товарищ Сталин ”». Но Сталин, кажется, и не заметил этой оговорки. Он говорил и говорил глухим голосом, перечисляя потери и обстоятельства трагедии, а Виктор Семенович чуть заметно кивал, подтверждая: да, именно это и произошло.

А случилось неслыханное: немцы разгромили северный конвой со стратегическим грузом… Атаковали с воды и с неба суда американских союзников, которые проходили конечный отрезок пути из Мурманска в Архангельск, неся стратегические грузы по ленд-лизу: самолеты, танки, бензин и машины. Удар противника был хорошо скоординирован: авиация, подлодки и надводные корабли ударили одновременно. И место для засады было выбрано со знанием дела – конечный участок между Баренцевым и Белым морями, между Архангельском и Мурманском, который находился всего в пятидесяти километрах от линии фронта и в зоне досягаемости немецкой авиации. Узкий пролив Горло, где в замерзающих водах в зимнее время суда, идущие к Архангельску, были крайне уязвимыми, теряя маневренность.

Через несколько минут после атаки был отдан приказ о рассеивании судов, это спасло конвой. Но все же потери были огромными: больше половины транспорта уничтожено; погибли моряки – личный состав ближнего и дальнего прикрытия из эсминцев, корветов, кораблей ПВО и подводных лодок.

Торпедоносцы фашистской эскадрильи зашли в атаку с двух направлений, с кормовых и носовых углов. Американский эсминец пытался отразить удар сильным зенитным огнем, но немецкие торпеды уже были сброшены и достигли цели – часть транспортных судов превратилась в обломки, а экипажи срочно спасались на шлюпках. Атаку поддерживали с воздуха бомбардировщики Ju-88. Суда, не ждавшие воздушных ударов, стали легкой мишенью для прицельного огня немецких подлодок и люфтваффе.

Экипажи до последнего боролись за живучесть судов, откачивали воду, заделывали пробоины подручными средствами. Но силы были неравны, пришлось спасаться на шлюпках. Хотя людям штормовой ветер и ледяная вода Северного моря не оставляли шансов спастись. Волны заливали легкие шлюпки, а навигация в условиях полярного дня, где небо сливалось с морем в единую серую пелену, становилась почти невозможной.

После радиосигнала о помощи советские эсминцы и сторожевые корабли, вышедшие навстречу остаткам конвоя, делали все возможное, чтобы спасти людей. Они подбирали моряков из ледяной воды, прикрывали уцелевшие транспорты от вражеских сил. И все же, несмотря на все усилия, потери оказались колоссальными: больше половины транспортов не добрались

до советских портов; на дно ушли тысячи тонн жизненно важных грузов, в которых так остро нуждался сейчас Советский Союз.

Подло и неожиданно конвой PQ-11 оказался разгромлен фашистскими военными силами.

Конечно, американцы тотчас же связались со ставкой Верховного главнокомандования в Москве с требованием немедленно принять меры и гарантировать безопасность следующего союзного конвоя. Поэтому уже в семь утра служебный автомобиль мчал по пустым улицам столицы в Кремль комиссара госбезопасности Абакумова. В машине он не смотрел на улицы, как делал это обычно, вспоминая о прежней, нарядной, многолюдной Москве, вместо этого Виктор Семенович сосредоточенно листал доклад со скупыми строчками донесения.

«Совершенно секретно, Экз. № 1

Начальнику Главного управления контрразведки «Смерш», комиссару государственной безопасности 2-го ранга тов. Абакумову В. С.

ДОНЕСЕНИЕ о результатах оперативной проверки обстоятельств разгрома союзного конвоя в проливе Горло.

По данным разведывательной сводки от 05.09.1943 г., союзный конвой PQ-11, следовавший из Исландии в Мурманск, подвергся массированным ударам сил противника. Состав конвоя: 32 единицы транспорта (в т. ч. 12 советских и американских судов), 16 кораблей охранения (эсминцы, корветы, тральщики), 2 спасательных судна были атакованы пикирующими бомбардировщиками Ju-88 и торпедоносцами He-111 в координатах 73° с. ш. / 49° в. д.

В результате атаки, по предварительным данным, затонуло 14 транспортов, 5 получили тяжелые повреждения и отстали от ордера. Потери в грузах: ориентировочно утрачено свыше 60 % общего тоннажа грузов, включая танки (около 80 ед.), самолеты (до 20 ед.), автотехнику, горючее в бочках и контейнеры с боеприпасами. Точная номенклатура уточняется по спискам судовых деклараций.

Командование Северного флота развернуло по-исковые работы для поиска экипажей и грузов. Организована экстренная эвакуация моряков с поврежденных судов на корабли охранения и на ближайшие базы. Усилены дозоры и ПВО на подходах к Кольскому заливу; введен режим радиомолчания для всех судов, следующих в советские порты.

Разгром конвоя носит характер спланированной операции противника, основанной на достоверной информации о составе, маршруте и графике движения.

Отправка крупных конвоев временно приостановлена. Необходимо организовать срочную проверку каналов связи и круга лиц, имевших доступ к оперативным данным как в советских штабах, так и среди представителей союзных миссий для выявления источника утечки информации.

Начальник оперативного отдела Управления контрразведки Северного флота подполковник госбезопасности Савченко Т. М.».

Глаза скользили по желтоватой бумаге, а в груди все кипело от досады. Разгром PQ-11 – это катастрофа! Огромные потери техники, которая так нужна стране и армии. После Сталинграда советские войска наконец качнули чашу весов в другую сторону и начали теснить противника. Каждый шаг давался с трудом – войска буквально выгрызали у врага по метру, по окопу, по высоте.

А теперь эти сухие, безжалостные столбцы в донесении. Каждая строчка – не просто строка, а сорванная атака, невзятая высота, тысячи человеческих жизней, оборвавшихся в бою.

Виктор Семенович хоть и занимался вопросами государственной безопасности, но как военный, кадровый офицер понимал: без техники преимущество, едва наметившееся после Сталинграда, рассыплется. СССР обескровлен годами войны, армия же Гитлера все еще сильна своим преимуществом – техникой, вооружением. У вермахта хватает орудий и снарядов, и надо отвечать ударом на удар.

Перед глазами поплыла черная дымка, он вспомнил одну из своих первых поездок под Воронежем на передовую еще в самом начале войны, в июле сорок второго.

Они не успели отъехать от станции, куда прибыл эшелон, вовсю шла погрузка раненых – тащили носилки, несли людей прямо на шинелях и плащ-палатках. Эмке пришлось аккуратно объезжать живую, стонущую толпу. Как вдруг загудел прямо над ухом визгливым басом немецкий «мессер», он шел на бреющем полете совсем низко, прямо над эшелоном, едва не цепляя крыльями верхушки редких берез.

«Мессер» дал длинную очередь, от треска ударов по обшивке воздух будто лопнул. Грохоту снарядов вторила пальба из пулемета. Эшелон с красными крестами окутала густая черная дымка. От гари и пороховой взвеси у Абакумова запершило в горле. Он пытался нащупать ручку в машине и выскочить, пытался крикнуть шоферу, чтобы тот остановил машину, но из горла выходил лишь хрип.

А вокруг стонало человеческое море, раненые в панике пытались спастись, падали, кричали. Металл вагонов стонал вместе с людьми, утопая в черных, траурных столбах дыма, что валил из авиаворонок.

Шофер нажал на газ и стремительно вывез из-под обстрела важного пассажира из главного штаба. Виктор Семенович лишь успел в облаках гари увидеть черную фигурку солдата, задравшего вверх автомат, тот пытался короткими, отчаянными очередями ответить наглому «мессеру».

В штабе он тогда сорвался: оторвал погон майору, исполняющему обязанности погибшего утром начштаба. И хрипел осипшим голосом в окаменевшее лицо:

– Почему нет прикрытия ни с воздуха, ни с земли?! Это же санэшелон! Я тебя без трибунала расстреляю!

А майор только повторял как заведенный одно и то же, глядя куда-то мимо комиссара госбезопасности:

– Нет техники… Нет техники… Зенитки, авиация брошены на прикрытие переправ. Нам обещали подкрепление, но его нет.

Сейчас, глядя на сухие цифры потерь в донесении, он снова слышал тот беспомощный шепот: «Нет техники». Каждая единица техники, что утоплена в Северном море, – не строчка в отчете, а человеческие жизни. Не сможет его отдел гарантировать безопасность следующего конвоя – американские союзники остановят ленд-лиз.

И самое страшное – точность удара. Немцы знали дату выхода, маршрут, координаты. Это не могло быть случайностью или удачей, нет, армия вермахта не действует наобум. Разгром PQ-11 – результат холодного расчета, и это значит, что у немцев была информация о северном конвое. И получена она прямиком из портовой диспетчерской, из штаба Северного флота, от предателя, который продался абверу и передал секретные сведения противнику. В северном порту завелся «крот», как называли в контрразведке агентов противника, давно завербованных, внедренных и действующих под прикрытием. Предатель, изменник родины, притаившийся среди своих.

К тысяча девятьсот сорок третьему году такие случаи перестали быть единичными. Немецкая разведка действовала все искуснее и масштабнее. С начала войны в секретных спецшколах и учебных пунктах проходили подготовку тысячи шпионов и диверсантов. Их вербовали из числа военнопленных, обиженных на советскую власть или готовых ради своего спасения вести двойную жизнь. После обучения шпионов забрасывали в советский тыл, и это были не случайные перебежчики, а внедренные профессионалы. За последние полгода органами государственной безопасности было задержано на фронте и в тылу более двенадцати тысяч фашистских шпионов, диверсантов и террористов. Понятно, что еще больше продолжали действовать в штабах, на железных дорогах, в портах. Именно из-за этой обстановки, когда вражеская агентура проникла повсюду, когда предательство стало угрожать не только

фронту, но и тылу, постановлением Совета народных комиссаров СССР было создано Главное управление контрразведки «Смерш». Название – «Смерть шпионам!» – предложил лично Сталин. Комиссар госбезопасности Абакумов возглавил новую структуру, став заместителем наркома обороны, и подчинялся теперь лично Сталину. Задача у особого подразделения была одна: найти и обезвредить любого, кто продался врагу.

Глядя на сухие цифры потерь в донесении, Абакумов знал: «крот» в Архангельске не случайность, а закономерность. Исправить тяжелую ситуацию должен «Смерш», а для таких особенных случаев специально создан особый отряд «Игла». Отряд был выведен за структурную сетку Управления, его личный состав формировался каждый раз заново – конкретно для запланированной операции. Членов отряда набирали из штата других отделов «Смерша», чтобы избежать в значительной мере утечки информации. Но неизменным оставался один человек – командир отряда «Игла», офицер Наркомата обороны, опытный оперативник Егор Степанович Завалкаев.

Именно об этом человеке подумал сразу Абакумов, когда прочел в полумраке ночи при свете ночной лампы донесение о разгроме PQ-11.

Решение уже созрело, с этой мыслью Абакумов и шагнул к заветной двери. Перед тем как войти внутрь сенатского дворца, где за толстыми стенами его уже ждали, от острого отчаяния комиссар государственной безопасности позволил себе секунду слабости. Оставалось только пройти по галерее, мимо приемной Поскребышева, потом короткая остановка у двери с табличкой.

Не обращая внимания на застывших у дверей часовых, Абакумов остановился, на мгновение оттянул тугой стоячий воротник, пытаясь вдохнуть. Ему все казалось, что холодный воздух пахнет гарью и никак не получается набрать полную грудь. Усилием воли он заставил себя сделать глубокий вдох: «Клянусь партбилетом, что «крот» в штабе Архангельска будет выявлен. И я знаю, кто сможет остановить утечку информации». Он резко выдохнул, будто сбрасывая с себя какой-то груз перед встречей, где каждое слово будет стоить человеческих жизней. И потянулся к двери.

Встреча с товарищем Сталиным была короткой, меньше четверти часа, хотя Абакумову показалось, что он пробыл в кабинете очень долго. Когда Сталин выдохся и блеск его глаз стал меньше, Виктор Семенович заговорил:

– Товарищ Сталин, да, вы правы абсолютно. Диверсия была запланирована, и без предварительного тщательного сбора информации атаковать конвой невозможно. Я читал донесение, немцы били наверняка. У абвера есть внедренная система шпионов в Архангельске, непосредственно в системе северных морских перевозок. Это упущение «Смерша», и я готовлю лучшие кадры для отправки в порт, чтобы ликвидировать диверсантов как можно быстрее.

Верховный главнокомандующий не сводил с него глаз, это была его привычная манера – слушать собеседника внимательно, а еще внимательнее наблюдать за ним. Как говорит, как стоит человек. Слова могут врать, а вот тело всегда показывает, что внутри.

Абакумов ему нравился – все в нем основательное, крепкое и правильное. Телосложение, широкое лицо, высокий лоб, темные волосы аккуратно зачесаны назад, несмотря на ранний, тревожный подъем. И взгляд внимательный, уверенный в том, что говорит и делает. Но, несмотря на симпатию к комиссару, Сталин продолжал нащупывать его слабые места:

– Так что же вы предлагаете, товарищ Абакумов? Передать ваши слова нашим американским союзникам? Рассказать, что в архангельском порту, в штабе сидят немецкие шпионы, так что не надо нам ничего присылать? Не надо танков, горючего – ничего не надо, ведь нам немцы мешают принять помощь от союзников. – Лицо снова потемнело. – И не на передовой мешают, а в самом глубоком тылу. Там завелся у нас «крот»! И как его вытравить из норы, мы не знаем. Так получается, товарищ Абакумов?

Виктор Семенович на мгновение не удержался и замотал головой, протестуя: нет, он не это имел в виду. И заговорил, медленно и вдумчиво, потому что сейчас каждое его слово становилось обещанием, которое обязательно надо будет выполнить. Или расплатиться за невыполнение собственной жизнью… и офицерской честью.

– Предлагаю немедленно отправить в архангельский порт полковника Завалкаева и с ним особый отряд «Игла». Он создан для таких случаев. Дать ему неограниченные полномочия. Гарантирую, он перетрясет весь штаб проводки конвоев, службу военных сообщений, портовые диспетчерские – все звенья. Найдет и ликвидирует «крота».

Вождь не перебивал, лишь изредка постукивал мундштуком трубки о край пепельницы – короткий, сухой звук, похожий на щелчок курка.

Абакумов закончил на неприятном моменте, когда Сталин уже раскуривал трубку, и дым поплыл по кабинету, заволакивая углы сизой пеленой.

– Считаю, что необходимо на время приостановить формирование и отправку конвоев по Северному направлению до установления источника утечки секретных сведений.

В кабинете установилась тишина, густая и плотная, как зимний туман над Москвой-рекой. Сталин медленно наклонил голову, будто взвешивая каждое сказанное слово, потом поднял глаза:

– Архангельский порт, через него сейчас идет движение всех грузов по ленд-лизу: танки, самолеты, взрывчатка, продовольствие. Наш северный узел. Транспортный узел стратегического значения. Это не только техника, это вера союзников в нашу победу. Понимаете, товарищ Абакумов? У вас нет права на ошибку, нет права на промедление, диверсанты должны быть выявлены и ликвидированы в кратчайшие сроки.

Он сделал паузу, прищурился, сквозь дым разглядывая Абакумова в ожидании, что тот ответит.

Виктор Семенович кивнул:

– Понимаю, как поручение важно, товарищ Сталин. Поэтому предлагаю кандидатуру Завалкаева. У него большой опыт оперативной работы, особый отряд «Игла» под его командованием ликвидировал разведшколу в Польше. Человек жесткий, цепкий, боевой офицер.

Уголок губ Сталина чуть дрогнул в сдержанном одобрении. Как обычно, память на людей у него была феноменальная.

– Помню, профессионал, – проговорил Сталин. – Только тут не фронт, нужна тонкая работа. С секретными бумагами, с людьми. И самое важное, среди своих, когда никому нельзя верить. Не сила нужна, не кулак, а голова, и толковая.

Он снова помолчал, будто прислушиваясь к тишине кабинета, потом кивнул, отвечая своим мыслям:

– Готовь приказ по северному узлу, пусть летит твой полковник. Даю ему трое суток на ликвидацию «крота». Подбери в отряд хорошего штабного аналитика. Будет смотреть, куда ударить, а Завалкаев со всем отрядом – бить.

Абакумов кивал, запоминая каждое слово.

– Будет сделано, товарищ Сталин. – И сам уже прикидывал, что надо срочно обращаться в другие отделы «Смерша». К майору Збраилову, начальнику десятого отдела, который в номенклатуре Управления проходил еще как отдел «С», в его отделе проходят конфиденциальные и секретные операции, которые выходят за рамки обычной контрразведывательной деятельности. Там должен найтись какой-нибудь головастый парень в помощь «Игле».

Выйдя из кабинета, комиссар госбезопасности позволил себе шумно выдохнуть. Все вышло, как он и предполагал. Поэтому его служебное авто еще час назад отправилось в загородный санаторий в Подмосковье – там поправлял свое здоровье после тяжелой операции на территории Польши полковник Завалкаев. Именно ему хотел доверить сложнейшую задачу Абакумов. Этот тридцативосьмилетний сибиряк прошел Финский поход Красной

армии, Гражданскую войну в Испании, советско-японский конфликт на Халхин-Голе. И благодаря своему опыту изучил досконально деятельность вражеских разведок на территории СССР, разобрался в их методах во время множества военных столкновений. Благодаря огромному опыту оперативной, разведывательно-диверсионной деятельности полковник Завалкаев стал профессионалом, которому не было равных в рядах военной контрразведки.

Для комиссара Абакумова же было не менее важно, что Егор Степанович подтвердил невероятную, фанатичную преданность не только разведке, но и своей родине. С самого начала войны, уже в тысяча девятьсот сорок втором году Егор Степанович Завалкаев обратил на себя внимание Виктора Семеновича. Абакумов убедился, что Завалкаев на голову выше остальных офицеров-особистов.

В конце лета начальнику Управления Особых отделов (УОО) НКВД СССР поступили сигналы о том, что в рядах Красной армии появились первые перебежчики. Целая рота, поддавшись малодушию и уговорам группы офицеров, готовилась с оружием и документами перейти линию фронта. В таких случаях особый отдел действовал жестко: арест всех подозреваемых, трибунал, расстрел. Чтобы эта слабость не стала примером, не заразила остальных бойцов в непростое время, когда вермахт, оправившись после зимнего контрнаступления Красной армии под Москвой, нанес сокрушительный ответный удар, прорвав стратегический фронт советских войск на глубину до четырехсот километров. Отступление к Волге и Кавказу длилось уже несколько месяцев, войска с большими потерями оставляли один рубеж за другим, откатывались на восток, и это не могло не сказаться на их боевом духе.

Командование понимало: если перебежчиков вовремя не остановить, их пример станет заразительным для других. Враг, и без того рвущийся к Сталинграду, мог воспользоваться любой брешью в обороне. И это притом, что Верховный главнокомандующий только что издал свой знаменитый приказ «Ни шагу назад!»: отступать дальше – значит, загубить себя и Родину; паникеров и трусов следовало немедленно расстреливать на месте. Для этого были организованы специальные заградительные отряды, которые ловили дезертиров и возвращали их в строй.

Вот таких расстрелов испугалось командование той дивизии, где завелись перебежчики, поэтому тянуло, не давало особистам выявить главного подстрекателя запланированной массовой измены.

Завалкаев, которому поручили это дело, пошел другим путем. Он под видом служащего интендантской службы, который организует снабжение, появился в расположение части. Несколько дней жил в части: разговаривал с солдатами, прислушивался, наблюдал, пока не вышел на офицера, завербованного абвером, который и агитировал солдат стать перебежчиками.

Егор Степанович однажды ночью подкараулил его, предъявил удостоверение немецкого офицера, убедил, что был послан абвером для связи с организатором и обсуждения деталей перехода. Несколько дней Завалкаев изображал немецкого шпиона, активно общался с офицером-предателем, чтобы разузнать информацию о явках, паролях, планах немецкой разведки. И ударил четко в момент перебежки.

С отрядом особистов он арестовал не только сотни советских бойцов и их лидера, но и офицера абвера, который должен был принять изменников на другой стороне фронта.

Больше сотни человек с оружием подчинились Завалкаеву беспрекословно и сдались добровольно, когда он предъявил обвинение в государственной измене их командиру. Все задержанные тогда были отправлены на передовую в штрафные роты, чтобы искупить вину кровью. Организатор диверсии был расстрелян на месте. История получила широкую огласку, ее пересказывали, словно сказку, в окопах, восхищаясь поступком Завалкаева.

Хотя, когда комиссару госбезопасности Абакумову доложили об этой операции, он лишь нахмурился:

– Что за мальчишество. Если бы эта сотня открыла огонь в ответ? Наши ребята погибли бы, а предатели по их трупам ушли через границу фронта к фашистам.

Но фамилию дерзкого оперативника запомнил и с тех пор всегда обращал внимание на нее в донесениях, старался встретиться с Егором Степановичем лично, если пересекались их пути. Знал по памяти операции, в которых участвовал контрразведчик, не раз подписывал приказы о его награждении.

И когда было принято решение организовать особый отряд «Игла» для специальных операций контрразведки, обособленное подразделение «Смерша», именно тогда об уже дослужившемся до полковника Завалкаеве сразу подумал Абакумов. Нужен был человек, который был бы предан делу, обладал разносторонним опытом, мыслил нестандартно и при этом мог бы организовать для работы других людей. И уже на первом же задании «Иглы» Егор Степанович показал отличные результаты, так что и сегодняшняя задача по ликвидации диверсантов в архангельском порту должна была стать его заботой.

Сейчас полковник Завалкаев уже должен был ждать появления своего командира в машине на выезде из Кремля. Правда, на встречу с ним Абакумов не спешил. Он спустился по лестнице к выходу во внутренний двор, прошел мимо караульного помещения и, наконец, остановился у глухой стены, за углом, где ветер срывал с крыши сухие листья и гнал их по брусчатке. Здесь он достал портсигар, тяжелый, трофейный, загнал папиросу в мундштук, чиркнул зажигалкой и глубоко затянулся. Маленькая слабость, которая в трудные минуты помогала комиссару госбезопасности сосредоточиться на поставленной задаче.

Он обдумывала слова Сталина, информацию, которая была известна о нападении на северный конвой на данный момент. И понимал: надо действовать как можно быстрее. Прямо в машине по дороге к зданию Главного управления контрразведки «Смерш» Народного комиссариата обороны на площади Дзержинского он обрисует задачу полковнику и даст ему время до вечера. Пускай готовит план операции, подбирает себе надежных ребят в отряд и готовится к ночному вылету в Архангельск. Он же сам тем временем займется поиском аналитика, по поручению товарища Сталина, и общей организацией операции.

Явочное жилье в городе, срочный рейс спецборта до Архангельска, документы, оружие, паек – этим всем займется его заместитель. А он пока по своим каналам кроме аналитика найдет для Завалкаева хотя бы одного толкового оперативника из Архангельска. Такая поддержка из рядов «Смерша» поможет отряду сориентироваться в городе, установить контакты.

Воздух стал серым от подступающего рассвета. Когда снова стемнеет, оперативная группа должна быть укомплектована и готова к вылету, и за часы перелета они доработают детали операции.

Огонек сигареты дотлел, и Виктор Семенович зашагал к воротам. Там нырнул в теплую эмку. В салоне тотчас вытянулась высокая фигура в видавшей виды шинели и фуражке с малиновым околышем.

– Здравия желаю, товарищ комиссар. Полковник Заволкаев по вашему приказанию прибыл!

– Отлично. – Абакумов устроился поудобнее на сиденье. Ведомственный автомобиль покатил по уже оживающим улицам, Виктор Семенович тем временем рассматривал своего офицера – повеселел полковник на казенных харчах в санатории. Сошла бескровная бледность на широком лице, серые глаза стали ярче, живее. Даже шинель сидела иначе – ровнее, расправившись на округлившихся плечах; светлые волосы аккуратно подстрижены, лицо гладко выбрито. – Вижу, санаторий пошел на пользу. – Абакумов чуть склонил голову, будто примерялся перед прыжком.

В ответ полковник сдержанно кивнул, как обычно, взгляд Егора Степановича почти ничего не выражал. Всегда ровный, ледяной, угадать, что за ним скрывается, не мог даже Абакумов, который слыл знатоком человеческих душ.

– Так точно, товарищ комиссар. Лечение и питание по расписанию, набирались сил вместе с лейтенантом Бакиным, как вы и приказали. Теперь готов к выполнению нового задания.

Абакумов хмыкнул:

– Заскучал на отдыхе?

Его собеседник кивнул и честно признался:

– Было дело, – и нахмурился. – Какой может быть отдых, товарищ комиссар. Война идет, а мы отсиживаемся в санатории, пока ребята на передовой сражаются. Отдыхать после победы будем.

Абакумов вздохнул.

– Война она не только на передовой, но и в тылу бывает. И в тылу еще хуже, потому что на фронте ведь понятно, где враги, где свои. А тут… – Он махнул рукой и вдруг без официоза выдал. – «Крот» у нас завелся на северном узле, в Архангельске. Конвой с грузом от американцев под немецкий обстрел подвел.

Он сунул Завалкаеву доклад в картонной папке.

– На вот, почитай. – Ему было невыносимо даже кратко говорить о жутком разгроме конвоя. Коротко, по-военному он обозначил результат встречи. – Товарищ Сталин дал трое суток на ликвидацию информаторов, которые сдали координаты конвоя. Необходимо в кратчайшие сроки обеспечить безопасность следующего груза на северном пути, промедления для ленд-лиза недопустимы. Сам знаешь, фашисты вооружены до зубов, у нас по части техники пробелов много, не готовы мы были к войне. Задача сложная, нужна не только оперативная хватка, но и голова.

Мелькали здания и улицы, комиссар госбезопасности уже не смотрел в окно на любимый город. Он не сводил взгляда с полковника, рассматривал его, будто увидел первый раз в жизни. Слова товарища Сталина еще звучали эхом в голове и ввергали его в сомнения: а сможет ли контрразведчик, оперативный работник, действовать тонко, найти чужого среди своих? И не просто найти, а выявить и ликвидировать всю систему перехвата и передачи абверу секретных данных. Все-таки он начинал как фронтовик, хорош в действии, на вражеской территории, во время операции, когда надо действовать. А сейчас, кажется, предстоит много кабинетной работы с бумажками и с людьми.

Эмка притормозила у проходной, Абакумов кивнул постовому, отдавшему честь. И нетерпеливо спросил у Егора Степановича, который дочитал донесение:

– Ну что, какие мысли?

Тот неожиданно глухим голосом ответил не по уставу, вопросом на вопрос:

– Есть данные, сколько людей погибло?

– Больше ста, точно будет известно, когда весь транспорт северного конвоя прибудет в порт назначения.

– Товарищ комиссар, после двух часов я готов буду предоставить план действий и список людей, которые мне нужны для проведения операции.

Абакумову стало легче дышать. Все-таки молодец Егор Степанович, сразу сообразил, и что действовать надо незамедлительно, и что нужно самому подбирать ребят для новой операции особого отряда «Игла» Главного управления «Смерш» Наркомата обороны.

Он кивком одобрил просьбу:

– Жду в четырнадцать ноль-ноль у себя в кабинете. Моя машина в твоем распоряжении до обеда. Из кабинета сразу отправляетесь на аэродром, все должно быть готово к вылету. Приказ о проведении секретной операции «Северный узел» будет готов, ты – главный, остальных внесем в список по прибытии.

– Есть, товарищ комиссар госбезопасности.

Абакумов выбрался наружу и зашагал к служебному подъезду здания на площади Дзержинского. Автомобиль за его спиной заскрипел шинами по асфальту и, круто развернувшись, рванул дальше по утренним улицам города.

Сам же Завалкаев вышел в одном из московских переулков, отправив машину в санаторий с запиской для Мити Бакина. Лейтенанта, который участвовал вместе с ним в последней операции по ликвидации разведшколы абвера, он сразу решил привлечь к выполнению задания. Человек проверенный, хоть и неопытный в контрразведке, всего год назад выпустился из института, и ликвидация школы абвера была его первым заданием. Но ничего, себя Митя показал с лучшей стороны. Самое важное, что Бакин – радист и толковый радиоинженер. Надежный связист, который подаст сигнал с любого оборудования в любых условиях, – фигура в отряде обязательная.

Поднимаясь по узкой темной лестнице на нужный этаж, Завалкаев все еще сомневался, нужно ли ему нажимать на дверной звонок. Вторая кандидатура, которую он хотел привлечь к операции «Северный узел», была очень рискованным выбором. Не уверен был полковник, согласится ли Абакумов допустить изменника родины к секретной информации такого уровня. Слишком много на кону: репутация СССР, перевес в войне с Гитлером, жизни людей, сотен тысяч советских граждан. Но услышал за дверью мелодичный, нежный голос и нажал решительно на звонок.

Глава 2

Кто, если не она, подойдет лучше всего для выполнения задания в глубоком тылу, где нужно актерское мастерство, чтобы освоиться в коллективе штаба, войти в доверие и мгновенно собрать сведения по подозреваемым? Только она, Валюша, Тина, Валентина Задорова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.